

Никитин А.И.¹ ©, 2020

Тенденции военно-политического развития и военно-технического сотрудничества стран Евросоюза

Аннотация. В статье анализируются во временном горизонте предстоящего десятилетия (2020–2030-е годы) основные тенденции развития военно-политической обстановки в Европе. Рассматриваются новые ядерные риски, возникающие в условиях ослабления режима нераспространения ОМУ, демонтажа Договора РСМД и в связи с перспективами размещения в Европе новых поколений ракет средней и меньшей дальности. Систематизируются успехи и неудачи ЕС за последние три десятилетия в создании системы операций и миссий в конфликтных регионах. Анализируются структура, типы, предназначение 47 проектов военно-технического и военно-политического сотрудничества, реализуемых Евросоюзом в рамках программы Постоянного структурированного сотрудничества стран ЕС (PESCO). Выявляются проекты, нацеленные на усиление кооперации в кризисном реагировании, в разработке и производстве вооружений, информационной и киберкоммуникации, логистическо-транспортном и медицинском сотрудничестве, в проведении учебно-тренинговых мероприятий. Констатируются усиление геостратегической автономности Европы от США и в то же время военно-технический, а не военно-оперативный крен в программах

¹ **Никитин Александр Иванович** – доктор политических наук, профессор МГИМО, НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН (an@inno.mgimo.ru).

PESCO, отсутствие среди программ PESCO проектов, нацеленных непосредственно на ведение коллективных наступательных операций. Делаются выводы об опасностях втягивания ОДКБ в прямое противостояние с НАТО и ЕС, о необходимости налаживания взаимодействия по линии ОДКБ – ЕС в противостоянии новым общим для Востока и Запада Европы рискам и вызовам. Отмечается, что многие программы военно-технической и военно-оперативной кооперации / интеграции стран ЕС могут стать основанием разветвления новых направлений гонки вооружений в Европе.

***Ключевые слова:** Европейский союз, программа PESCO, НАТО, кризисное реагирование, военно-политическое развитие, военно-техническое сотрудничество, контроль над вооружениями.*

Перспективы эволюции военно-политической обстановки в Европе в предстоящее десятилетие

С учетом тенденций развития военно-политической обстановки последних лет мировая и европейская геополитическая ситуация в предстоящее десятилетие (2020–2030-е годы) может включать следующие факторы.

Продолжится повышение значимости и выдвигание на передний план иных, чем сегодня, региональных и межрегиональных силовых и политических балансов – на Ближнем Востоке, в Южной Азии, в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, а глобально – между КНР и США. Все они неизбежно уменьшат удельный вес внутриевропейских процессов в мировой политике.

В Европе и прилегающих к ней регионах продолжается формирование новых (или обострение уже проявившихся) линий геополитического напряжения – между Евросоюзом и Турцией; странами Евросоюза и проходящими период глубоких внутренних пертурбаций странами Северной Африки; между ЕС и вышедшей из ЕС Великобританией, вступившей в новую конкуренцию со странами и механизмами ЕС; между «непослушными» членами ЕС (Венгрией, Грецией и др.) и коллективными органами Евросоюза и др.

Наблюдается все более тесное переплетение традиционных военных и нетрадиционных угроз и вызовов безопасности (терро-

ризм, наркоторговля, незаконная миграция, массовые потоки беженцев и переселенцев, модернизированное пиратство и пр.), что вызывает необходимость переориентации существующей военной инфраструктуры на работу и борьбу с этими новыми вызовами.

Происходит частичный перенос гонки вооружений в цифровую среду. Создаются полноценные «компьютерные вооружения», способные причинять ущерб не только электронным информационным системам, но и – через электронные компоненты инфраструктуры – материальной инфраструктуре и населению. Специалисты прогнозируют появление новых типов вооружений, основанных на иных физических принципах (например, нанотехнологиях, разных видах когерентного излучения, инфракрасных, воздействии на сейсмические, атмосферные, климатические процессы и пр.).

На фоне ослабления режима нераспространения ядерного оружия (Договора о нераспространении ядерного оружия, ДНЯО) и режима контроля над ракетными технологиями (РКРТ) увеличивается вероятность дальнейшего расширения круга держав, обладающих ядерным оружием и средствами его доставки. Одновременно высокоточные и мощные неядерные вооружения приобретают возможности реализации военных сценариев, которые ранее предполагали планы нанесения ядерных ударов.

На геополитическом уровне складываются новые политико-идеологические, а нередко и религиозно-политические противостояния групп государств, а также негосударственных политических акторов (организаций, движений, сетей и пр.), влекущих массированное применение политически и идеологически мотивированного насилия.

Происходит постепенное изменение функций основных межгосударственных альянсов в сфере безопасности (трансформация НАТО, ОДКБ, военных структур ЕС и др.) [Балкаев, 2019, с. 11]. Некоторые политические и экономические межгосударственные организации (Евросоюз, Африканский союз, Лига арабских государств, Организация исламского сотрудничества и им подобные) трансформируются в направлении более активного взаимодействия военных структур и структур безопасности их стран-членов,

появления или заметного расширения военного измерения в деятельности и стратегии этих организаций [Подходы ЕС., 2017]. Происходит относительное ослабление результативности системы миротворческих операций, проводившихся ООН и региональными международными организациями, в том числе ЕС и НАТО, в конфликтных регионах планеты, при одновременном расширении и развитии практики военно-политического вмешательства в конфликты без мандатов ООН со стороны мировых держав и их коалиций.

В условиях демонтажа и распада всей системы договоров и соглашений, составлявших ядро системы контроля над обычными (Договор об обычных вооруженных силах в Европе, ДОВСЕ) и ядерными (договоры о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, РСМД; об ограничении систем противоракетной обороны, ПРО; о сокращении стратегических наступательных вооружений, СНВ) вооружениями, эксперты отмечают значительное количество – до ста (!) новых видов и систем вооружений [Арзаманова, 2019], которые могут быть доведены и развернуты в условиях отмены прежних ограничений в сфере контроля над вооружениями. С учетом длительного (до двух десятилетий) цикла разработки и производства наиболее сложных новых систем вооружений в течение предстоящего десятилетия (2020–2030-е годы) «дойдут» до стадии практического развертывания военные системы, заложенные в прошедшее десятилетие. Возможно, некоторые из них уже не будут соответствовать стратегическим задачам второй трети XXI в., но логика финансирования и доводки систем приведет к появлению у ряда стран вооружений, которые были задуманы и запланированы в период, когда уже прекратили свое ограничительное действие Договоры по ПРО (1972–2002), по РСМД (1987–2019), СНВ-3, ограничивающий развернутые стратегические ядерные боеголовки и носители (2010–2021, он еще не прекратил действие, но, возможно, не будет продлен), ДОВСЕ (договор прекратил свое действие, но Россия продолжает соблюдать его отдельные положения).

Проблемы «соприкосновения» геополитических ареалов НАТО и ОДКБ

Анализ тенденций развития НАТО как основного европейского военно-политического альянса позволяет предположить, что в период до 2030 г., несмотря на постоянно присутствующие внутренние противоречия и сложности в отношениях государств-членов, НАТО сохранится и в целом усилится, продолжая ориентацию на глобализацию сферы своей ответственности и военное сотрудничество со структурами Евросоюза. Североатлантический альянс продолжит обретение новых функций за пределами европейского театра – в Азии, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в акваториях борьбы с современным пиратством. При этом углубится взаимодействие и совместимость с НАТО военных элит и структур многих стран, не входящих в НАТО (Израиля, Египта, Алжира, Туниса, Марокко, Пакистана, Южной Кореи, Японии и др.), в том числе через международные структуры типа исторически известных натовских программ «партнерства», Совета стран Балтийского моря [Koivula, 2009], Средиземноморской инициативы, Совета евро-атлантического сотрудничества и подобных будущих инициатив. В этом контексте России целесообразно продолжать стимулировать поиск форм пока так и не сложившегося взаимодействия между ОДКБ – НАТО, а также (недооцениваемое направление) между ОДКБ и военными структурами ЕС. Опасно и бесперспективно развивать риторику прямого противопоставления НАТО и ОДКБ (как это делает, например, в исследовании об ОДКБ Ф. Джаваид [Javaid, 2017]), в то же время, напротив, перспективно развивать возможность сотрудничества РФ и ОДКБ с ЕС и НАТО в сферах совместного противодействия новым типам угроз и вызовов.

По мнению экспертов, Евросоюз все еще не завершил этап трансформации, связанный с выбором «оптимальной модели организационной структуры для адекватного реагирования на современные кризисные ситуации» [Щербак, 2019, с. 71]. Вместе с тем в условиях общего «торможения» взаимодействия России и ЕС после 2014 г. сфера кризисного реагирования и регулирования остается средоточием общих для стран ЕС и для России угроз и вызовов

[Громыко, 2019, с. 27]. Если прямое сотрудничество ЕС – Россия тормозится, возможно, целесообразно искать пути развития контактов по линиям региональных организаций ОДКБ – ЕС (а также ШОС – ЕС) для налаживания обмена опытом в сфере кризисного урегулирования, в том числе совместного подключения ЕС и ОДКБ к реализации миротворческих миссий под эгидой ООН.

В течение предстоящего десятилетия с большой вероятностью произойдет вхождение в НАТО Боснии, Сербии, а также (с оговорками и возможным исключением неконтролируемых центральными правительствами районов и территорий) Молдовы, Украины, Грузии и Азербайджана [Пархитько, 2018]. Продолжится расширение уже далеко продвинувшегося взаимодействия с НАТО нейтральных Австрии, Швеции, Финляндии [Heinikoski, 2017, p. 46–47]. Это создаст для России новую геостратегическую ситуацию.

Российская реакция на прежние волны расширения (жесткая критика, проведение символических «красных линий» при последующей толерантности) показала неэффективность «стандартной» реакции на расширение. Целесообразно продумать скорее тактику прагматичного «торга» вокруг условий вхождения стран ГУАМ в НАТО, используя российское влияние на «выпадающие» из этих стран сепаратистские регионы (непризнанные де-факто государства). В том числе напрямую делать предметом переговоров соотношение уровня интегрирования в НАТО государств группы ГУАМ с уровнем военной помощи России выпадающим из их состава сепаратистским образованиям [Щеколдина, 2019] и военного присутствия России на их территориях.

Однако здесь необходима существенная осторожность, чтобы периферийное (и во многом символическое) столкновение интересов РФ и НАТО на границах непризнанных или частично признанных де-факто государств не привело к реальному «горячему» вооруженному столкновению России и всей военной машины НАТО. Очевидно, что в предстоящем десятилетии при любом потенциальном обострении обстановки на границах Абхазии / Грузии, Южной Осетии / Грузии, НКР / Азербайджана, Приднестровья / Молдовы, ЛДНР / Украины центральные правительства государств ГУАМ будут обращаться за поддержкой, дипломатической

и военно-политической помощью к странам и структурам НАТО, а частично признанные де-факто государства – к России и структурам ОДКБ [Новиков, 2016]. В результате, даже не имея намерений к обострению, Россия и НАТО получают целую «дугу» потенциальных регионов эскалации.

В связи с этим в предстоящее десятилетие целесообразно обратить особое внимание на *разработку и внедрение соглашений о предотвращении и деэскалации военных и военно-политических инцидентов* между военными машинами России / ОДКБ и соседних стран, входящих в НАТО или «заигрывающих» с НАТО. В настоящее время Россия имеет продленное между РФ и США старое Соглашение СССР – США (1989) о предотвращении опасной военной деятельности и подобные же типовые соглашения РФ – Канада, РФ – Греция, а также 12 типовых соглашений о безопасности на морях между Россией и США, ФРГ, Францией, Великобританией, Италией, Норвегией, Испанией, Турцией, Нидерландами, Канадой, Португалией, Грецией. Однако эта группа соглашений существенно устарела (восходит к начальным советско-американским переговорам времен холодной войны), нуждается в обновлении и распространении на новых партнеров (в том числе в заключении, по возможности, прямого соглашения РФ – НАТО о предотвращении и преодолении последствий военных инцидентов и опасной военной деятельности). При этом следует учесть относительно новый опыт американо-китайских договоренностей подобного рода (например, Меморандума КНР – США от ноября 2014 г. и Протокола к нему от сентября 2015 г. об избегании и предотвращении военных инцидентов), которые современнее и включают, в частности, регулирование деэскалации инцидентов с дистанционно управляемыми дронами, а также вопросы коммуникации сторон в кризисных условиях с использованием современных коммуникационных технологий.

В предстоящее десятилетие (2020–2030-е годы) необходимо сознательное и последовательное *развитие арсенала средств деэскалации инцидентов и конфликтов, возвращение к демонтированным мерам доверия и создание новых мер укрепления доверия в военной сфере*, в том числе механизмов транспарентности в военной сфере, обмена дан-

ными, системных уведомлений об учениях и массированных перемещениях войск и военной техники, коммуникационных каналов связи между сторонами (причем не только на высшем, но и на многих рабочих уровнях, особенно в регионах соприкосновения военных машин России и других стран и альянсов).

Именно европейский театр имеет для развития мер доверия в военной сфере наилучшие предпосылки (по сравнению с ближневосточным, африканским или рядом азиатских регионов) в силу высокого уровня системной организации военных инфраструктур в Европе, наличия централизованных или групповых механизмов командования и принятия военных решений (в НАТО, ЕС, ОДКБ и пр.), наличия исторического опыта применения мер доверия, транспарентности и контроля над вооружениями в прежние десятилетия, общего высокого уровня рациональности и «договороспособности» правящих элит европейских стран.

При этом России, у которой есть масштабный задел в сфере развития механизмов и мер по преодолению чрезвычайных ситуаций природного и социального характера и международного сотрудничества в сфере МЧС, разумно встроиться в общеевропейскую тенденцию подключения военных (в том числе военной инфраструктуры, военных управленческих структур и военно-промышленного комплекса) к работе не только, а подчас и не столько с традиционными военными функциями, сколько с новыми угрозами и вызовами – деятельностью по регулированию массовой миграции, работа с потоками и лагерями беженцев и переселенцев; обеспечение гибкого (при необходимости усиливаемого) режима охраны границ; пресечение наркотрафика на входе и выходе из европейской зоны и между входящими в нее странами; участие в борьбе с эпидемиями и преодолением их последствий и другими подобными видами деятельности, создающими новую конфигурацию мер обеспечения безопасности Европы.

Удачные и неудачные этапы формирования военных структур Евросоюза

Взлеты и провалы планов Евросоюза по созданию отличной от НАТО военной составляющей европейской интеграции разно-

стороне проанализированы в научной литературе [Журкин, Носов, 2019; Родович, 2019; Лобанов, 2019; Mérand, Angers, 2013 и др.] Отметим лишь несколько моментов, важных для понимания современных тенденций. В свое время первой серьезной попыткой создания собственной военной инфраструктуры Европейского союза был План-2003, предполагавший формирование европейской армии численностью до 60 000 человек [Ondarza von, 2010, p. 82]. Создание масштабных военных сил ЕС к заявленному рубежу 2003 г. не удалось. Причины и характер этой неудачи важны с точки зрения оценки современных перспектив военного строительства ЕС. Был сформирован так называемый Хельсинкский каталог сил, который определял набор минимально необходимых военных ресурсов для создания эффективных сил быстрого реагирования и осуществления задач в области кризисного урегулирования. Список запрашиваемых у государств ресурсов включал 144 позиции, объединенные в семь основных категорий, напоминающих современную программу PESCO: системы управления, связи и разведки; обнаружение целей и наблюдение; развертываемость и мобильность; боевые действия; обеспечение охраны баз и системы защиты; материально-техническое обеспечение; тыловая поддержка. Члены ЕС внесли в каталог порядка 100 кораблей, около 400 единиц авиации и воинские контингенты общей численностью до 100 тыс. человек [Karlborg, 2012]. Это была попытка создать «резервное соглашение» в рамках ЕС, подобное резервным соглашениям ООН со странами-членами о том, какие силы страны будут готовы оперативно предоставить в случае необходимости провести совместную операцию.

На деле более половины заявленных сил, как оказалось, не обладают мобильностью и способностью самостоятельно выдвинуться в регион конфликта; возникли проблемы с сопрягаемостью структур управления и технической совместимостью вооружений, а также с вопросами финансирования. В результате план обеспечения самостоятельных операций Евросоюза был пересмотрен. Вместо создания 60-тысячной армии Великобританией, Францией и Германией была инициирована деятельность по формированию нескольких (на сегодняшний день четырех) небольших оператив-

но-тактических формирований (EU Battle Groups – EUBGs) численностью до 1,5 тыс. человек каждое, и этот план был реализован, хотя эти формирования, неся по ротации «дежурство», так и не были задействованы для практических операций в конфликтных регионах.

Перечень потенциальных миссий ЕС был расширен: в нем появились гуманитарные и спасательные операции; операции по поддержанию мира, военные операции в ходе кризисного урегулирования, включая принуждение к миру (при наличии мандата СБ ООН); операции по разоружению, оказание поддержки третьим странам в борьбе с терроризмом и реформировании сектора безопасности, а также превентивное вмешательство [Defense Ministers..., 2004]. Приняв в 2000-х годах «из рук» НАТО продолжение стабилизационных операций в бывшей Югославии (Боснии и Косово), Евросоюз уже вышел за рамки традиционных задач территориальной обороны стран – членов ЕС (оставив эту функцию НАТО). А на протяжении последнего десятилетия, проведя ряд миссий в Африке, Азии, на постсоветском пространстве, акваториях морей и океанов, ЕС и вовсе глобализовал свою сферу ответственности.

Реализуя новое расширенное (функционально и географически) понимание своих потенциальных задач в сфере кризисного реагирования, Евросоюз провел 35 разнотипных операций в конфликтных регионах, причем более десятка из них имели военный и / или полицейский компонент [Журкин, Носов, 2019, с. 13].

Помимо военных продолжаются десять гражданских операций Евросоюза в рамках ОПБО (одна в бывшей Югославии, две – в новых независимых государствах постсоветского пространства, четыре – в Африке и три – на Ближнем Востоке). Кроме того, уже завершены 12 гражданских миссий и операций Евросоюза. Показательно, что в качестве *внешних партнеров* в проведение военных операций и миссий Евросоюза вовлечены такие страны, как Швейцария, Турция, Республика Корея, Алжир, Сербия, Северная Македония, Грузия, а в проведение гражданских миссий – Швейцария, Норвегия и Канада.

Одна из последних по времени инициатив относительно активизации военной интеграции в ЕС была внесена президентом Франции Э. Макроном в 2019 г. Некоторые эксперты окрестили ее

новым планом создания «европейской армии» [Чернега, 2019]. Однако на деле речь идет скорее о повышении оперативной и военно-технической самодостаточности ЕС, возможности ведения операций без существенной опоры на американскую составляющую. И в этом плане особую роль призван сыграть целый комплекс проектов 2018–2020 гг. в рамках Постоянного структурированного сотрудничества (PESCO).

Развитие инфраструктуры коллективного оборонного потенциала и военно-технического сотрудничества стран Евросоюза

Вместо вытеснения и подмены НАТО военными структурами Евросоюза (на что у Москвы были определенные надежды в предшествующем десятилетии) продолжится «переплетение» и функциональное взаимодополнение (хотя и с некоторым дублированием) военных структур НАТО и ЕС. В Евросоюзе происходит существенное развитие военно-технического сотрудничества по линии военно-промышленных комплексов. Программа PESCO, уже три года растущая «шагом» по полтора десятка ежегодно добавляемых к существующим новым программ военного сотрудничества стран ЕС, даже при неудаче некоторой части заявленных программ принесет за десятилетие существенное приращение «горизонтальных» военных и военно-технических связей в Евросоюзе.

В период с марта 2018 по 2020 г. заявлены и начаты 47 программ военного и военно-технического сотрудничества стран ЕС [Permanent Structured..., 2019], причем многие из них сформированы «на полях» военных проектов, уже осуществляемых в рамках НАТО. Начатые в рамках PESCO программы могут быть разделены на несколько групп:

– командно-управленческие программы для совершенствования военных и гражданских операций ЕС (это, собственно, группа программ, развивающих возможности ЕС в сфере кризисного реагирования);

– программы кооперации в рамках европейской военно-промышленной инфраструктуры (сотрудничество ВПК стран ЕС в создании вооружений);

– развитие возможностей Евросоюза проводить военно-морские операции (что одновременно развивает и военно-морские возможности НАТО);

– совершенствование военно-информационных коммуникаций и киберсотрудничества;

– совершенствование военно-логистического (транспортного, мобилизационного и др.) взаимодействия и военно-медицинское сотрудничество;

– создание учебно-тренировочных центров, повышающих совместимость контингентов как в рамках операций ЕС, так и в рамках НАТО.

Рассмотрим конкретнее, на что нацелены в перспективе основные группы программ PESCO.

Средства совместного кризисного реагирования – это инициативы, нацеленные на совершенствование управления и комплектования военных и гражданских операций ЕС в конфликтных регионах:

– создание *Группы операций кризисного реагирования* в рамках Европейских сил¹, которая должна обладать всем спектром силовых возможностей для быстрого реагирования на разнотишные кризисные ситуации;

– создание и развитие унифицированных систем управления и командования для миссий и операций в рамках Общей политики ЕС в сфере безопасности и обороны²;

– программа создания так называемого *Пакета мобильного развертывания военных средств для преодоления последствий катастроф и чрезвычайных ситуаций*³; данная программа будет включать создание в одной из стран ЕС *Центра повышения квалификации в сфере преодоления последствий чрезвычайных ситуаций*, а в перспективе и

¹ EUFOR Crisis Response Operation Core. В программе участвуют Германия, Испания, Франция, Италия и Кипр.

² *Command and Control – C2*. В данной программе участвуют Испания, Франция, Германия, Италия, Португалия.

³ *Deployable Military Disaster Relief Capability Package*. Государствами – участниками программы являются Италия, Испания, Греция, Хорватия и Австрия.

создание мобильной (разворачиваемой в кризисном регионе) штаб-квартиры управления преодолением последствий чрезвычайной ситуации;

– в ноябре 2018 г. к данной группе была добавлена *Программа создания мобильного командного поста для руководства малыми тактическими операциями Сил специальных операций*¹;

– с учетом проведения операций ЕС в отдаленных странах-регионах с различными метеоусловиями планируется *Программа анализа геопропространственной, метеорологической и океанографической ситуации* в поддержку миссий и операций ЕС в разных концах планеты².

Военно-техническое сотрудничество – данная группа программ в рамках PESCO весьма обширна (она особенно расширилась после принятия в ноябре 2018 г. второго пакета коллективных программ) и затрагивает сотрудничество военно-промышленных комплексов стран ЕС в совместной разработке и производстве новых типов вооружений. Для примера представим две программы из данной группы.

Разработка прототипов европейских боевой машины пехоты / десантного транспортера-амфибии / легкого бронетранспортера. Прототипы должны базироваться на одной общей технологической платформе, чтобы унифицировать и облегчить взаимозаменяемость и ремонт с использованием промышленных мощностей разных стран Евросоюза. Перед программой ставится «двойная» цель: обновить военно-транспортный парк ведущих в разных странах (и разных природно-рельефно-климатических условиях) операций Евросоюза, а также повысить совместимость армий европейских стран.

Создание евроартиллерии – средств вспомогательной огневой поддержки операций. Предполагается создать мобильную артиллерий-

¹ *Deployable Special Operations Forces (SOF) Tactical Command and Control (C2) Command Post (CP) for Small Joint Operations.* Программа заявлена совместно с Грецией и Кипром.

² *Geospatial, Meteorological and Oceanographic (GeoMETOC) Support Coordination Element (GMSCE).* За реализацию программы отвечают Германия, Греция, Франция.

скую платформу для орудий повышенной точности стрельбы. Она будет рассчитана как на боевое (летальное) применение, так и на использование нелетальных средств (например, снарядов, начиненных слезоточивым газом), что указывает на возможности использования в миротворческих операциях, где стоит цель не уничтожения противника, а разведения конфликтующих сторон или прекращения кровопролития. Система будет снабжена средствами координации огневой поддержки между контингентами разных стран, что повысит взаимодействие контингентов европейских армий.

Помимо названных, данная группа программ включает создание:

- универсального 4D тренажера для экипажей боевых вертолетов;
- беспилотной наземной пехотной платформы для военных целей (наземного военно-транспортного «дрона»);
- семейства ракетных систем загоризонтной стрельбы «земля-земля» и «воздух-земля»;
- модульного подводного беспилотного устройства (подводного «дрона»);
- полностью европейского (результат сотрудничества Франции, Германии и Испании) боевого вертолета посредством модернизации существующего вертолета «Тигр»);
- системы обнаружения и уничтожения воздушных «дронов» противника;
- группы радионавигационных систем;
- воздушной платформы аэростатного типа для обзора поля боя и обеспечения связи/сбора данных и др.;
- широкой сети полу- и полностью автоматических сенсоров воздушного и наземного размещения для формирования постоянно действующей *Службы ЕС по химической, биологической, радиационной и ядерной разведке.*

Военно-морские разработки включают:

- *развитие средств досмотра и защиты морских акваторий* (как заливов и портов, так и линий морских коммуникаций в открытом море);

- разработку морских (полу-) автономных систем разминирования;
- развитие средств морской разведки.

Данная программа содержит компоненты, делающие ее функциональной с точки зрения развития потенциала ЕС в сфере кризисного реагирования. В частности, она должна обеспечить инструменты для *раннего предупреждения* о кризисных ситуациях на морях и океанах, на шельфах и в портовых и прибрежных зонах, а также инструменты *быстрого реагирования* на такие кризисы. Очевидно, примером ситуаций, вызвавших к жизни появление такой программы, мог бы быть кризис, развившийся вокруг ареста иранских танкеров в Персидском заливе, как и кризис вокруг военной активности Китая на создаваемых им искусственных островах в Южно-Китайском море.

Информационно-коммуникационная сфера

Создание *нового поколения защищенных радиокommunikаций для европейских армий*. В рамках данной программы решается задача обеспечить совместимость устройств связи разных европейских армий, создать между ними своеобразный «компьютерный перевод» сигналов разных типов, частот и разной кодировки.

Разработка *платформы обмена информацией для совместного реагирования на киберугрозы и инциденты*.

Формирование *команд быстрого реагирования на киберугрозы и взаимопомощи в обеспечении кибербезопасности*. Создаваемые команды киберзащиты будут экипированы мобильными наборами аппаратуры для киберзащиты. В этой программе указывается, что она поможет обеспечить не только кибербезопасность самих стран ЕС, но и киберзащиту операций ЕС в далеких регионах и киберзащите партнерских стран.

Сравнительный анализ имеющихся электронных возможностей стран-участниц для ведения разведки и сбора разведывательных данных с целью создания *Интегрированной системы электронной разведки стран ЕС*.

Группа логистических и военно-медицинских программ предполагает:

- создание в Европе сети военно-логистических «хабов»;
- повышение военной мобильности; программа призвана стандартизировать и упростить процедуры пересечения границ для военно-транспортных сил ЕС, ускорить переброску военных контингентов и вооружений по Европе. Создатели программы откровенно ставят задачу преодоления препятствий со стороны национальной бюрократии отдельных стран, но программа включает не только административные улучшения на границах (ускорение обработки документации по пропуску военной техники), но и улучшение пропускной способности дорог, например расширение мостов и «узких мест» на типовых маршрутах переброски войск, через которые пока не может пройти крупногабаритная военная техника;
- создание *Европейского военно-медицинского командования*;
- *энергетическое обеспечение операций*; речь идет об унификации и обеспечении снабжения энергоресурсами и топливными ресурсами перемещаемых по Европе контингентов или полевых военных лагерей, а также как коллективных стационарных военных баз, так и временных баз во время реализации миссий ЕС в отдаленных странах и регионах.

Военно-учебные центры

Центр ЕС по повышению качества военного обучения. Это центр «обучения обучающихся», т.е. повышения квалификации преподавателей военных учебных заведений и армейских практических инструкторов. Перед центром также ставится задача стандартизации и унификации прививаемых в разных армиях стран ЕС знаний и навыков.

Центр сертификации для европейских армий. Призван стандартизировать процедуры и методы обучения и военных учений в разных странах, предоставить возможность проводить совместные учения и тренировки по управлению и командованию объединенными смешанными контингентами разных стран. Сценарии проводимых в центре учений будут включать стандартизированные

ситуации «оказания гуманитарной помощи» и «поддержки стабилизации (внутриполитической) ситуации».

Разведывательная школа стран ЕС. Программа предполагает создание такого учебного центра на территории Греции.

Имеются и другие программы, общее число заявленных в рамках PESCO коллективных программ – 47 и ожидается их дальнейшее приращение.

Десять лет, которые потрясут Европу?

Проецируя наметившиеся тенденции военно-политической и военно-технической интеграции в Европе на предстоящее третье десятилетие XXI в., можно констатировать, что образования единого «пространства безопасности» от Лиссабона до Урала (а тем более от Ванкувера до Владивостока) не произошло и, видимо, не произойдет. Связка «западных» структур безопасности (НАТО-ЕС) остается достаточно прочной, их взаимодействие с «восточными» структурами безопасности, такими как ОДКБ и ШОС, без кардинальной смены общеполитической атмосферы на Евразийском континенте сможет развиваться лишь с минимального до незначительного уровня. В то же время геостратегическая самостоятельность Европы от США реально растет, реагируя, в том числе, и на происходящее дистанцирование Вашингтона от проблем и организаций европейского континента.

В военно-оперативном измерении Евросоюз будет скорее всего не расширять, а ограничивать свои военные миссии на других континентах, учитывая новые факторы (волны беженцев из конфликтных регионов Африки и Азии, последствия пандемии и связанного с ней экономического кризиса и др.). В то же время существенное приращение может произойти на поле интеграции и кооперации военно-промышленных комплексов стран Западной и Центральной Европы. Начавшееся десятилетие уже характеризуется повышенной милитаризацией как экономики, так и политического мышления ведущих мировых держав.

Новые направления гонки неядерных вооружений (и почти неизбежное возвращение в Европу после развала Договора РСМД гонки ядерных вооружений средней и меньшей дальности) будут

подстегиваться как инерцией развития многочисленных, начатых на рубеже десятилетий военно-инфраструктурных проектов, так и снижением транспарентности и сворачиванием механизмов контроля над вооружениями (таких как ДОВСЕ, Договор об открытом небе, верификационные процедуры СНВ и др.) в военной сфере. Вспоминая вольный перевод китайской пословицы о нежелательности «жить в интересные времена», хотелось бы сделать все возможное, чтобы эпоха, в которую мы вступаем, не стала бы десятилетием, которое потрясет Европу.

Литература

Арзаманова Т.В. Эра отчуждения в евро-атлантическом пространстве // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – № 52(68). – С. 2–9.

Балкаев Н.Н. Этапы развития военно-политической интеграции в рамках ДКБ / ОДКБ // Контентус. – 2019. – № 2(79). – С. 11–21.

Громько А.А. Дилеммы Европейского оборонного союза // Контуры глобальных трансформаций: Политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 2. – С. 6–28.

Журкин В.В., Носов М.Г. 20-летие военного измерения ЕС // Современная Европа. – 2019. – № 1. – С. 5–13.

Лобанов Р.О. Военное измерение европейской интеграции в проектах ЕС в конце XX – начале XXI века // Образовательные ресурсы и технологии. – 2019. – № 4(29). – С. 89–100.

Новиков А.В. Военно-политический потенциал ОДКБ как противовес политике НАТО // Austrian j. of humanities and social sciences. – Wien, 2016. – № 3/4. – С. 74–77.

Пархитко Н.П. Военно-политическое сотрудничество на пространстве СНГ // Постсоветские исследования. – 2018. – № 1. – С. 9–19.

Подходы ЕС и его стран-членов к созданию автономного оборонного потенциала. Аналитический доклад / под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – Режим доступа: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=3870 (Дата обращения – 30.05.2020).

Родович Ю.В. ФРГ и планы создания европейской армии: История и современность // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. – 2019. – Т. 46, № 2. – С. 271–278.

Чернега В.Н. ЕС и инициатива Э. Макрона относительно «европейской армии» // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – № 52(68). – С. 10–15.

Щеколдина Т.И. ОДКБ как инструмент обеспечения военно-политических интересов России на пространстве СНГ: Проблемы управляемости // Постсоветские исследования. – 2019. – № 4. – С. 1165–1173.

Щербак И.Н. Роль ООН, ЕС и ОБСЕ в кризисном урегулировании. – М.: Ин-т Европы РАН, 2019. – 126 с. – (Доклады Института Европы; № 367). – Режим доступа: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/367.pdf> (Дата обращения – 30.05.2020).

Defense Ministers Council conclusions, 17–18 May 2004. ESDP Presidency Report. – Brussels, 2004. – 64 p.

Heinikoski S. «Pool It or Lose It?» A contrastive analysis of discourses concerning EU military integration and demilitarization in the Baltic Sea // J. on Baltic security. – 2017. – N 3(1). – P. 32–47.

Javaid F. Collective Security Treaty Organization (CSTO) and Central Asian region: Opportunities and challenges // European academic research. – 2017. – Vol. 4(12). – P. 10614–10633.

Karlborg L. EU military operations: Structures, capabilities and shortfalls // The European Union – A global actor? / Ed. by S. Gareis, G. Hauser, F. Kernic. – Stuttgart: Barbara Budrich Publishers, 2012. – P. 88–108.

Koivula T. Towards an EU military ethos // European foreign affairs review. – 2009. – N 14(2). – P. 171–190.

Mérand F., Angers K. Military integration in Europe // Beyond the regulatory polity? / Ed. by Ph. Genschel, M. Jachtenfuchs. – Oxford: Oxford Univ. press, 2013. – P. 46–65.

Ondarza von N. Less than the sum of its parts: The CSDP capability gap and prospects of EU military integration // Studia Diplomatica. – London: RIIS, 2010. – N 63 (3/4). – P. 81–104. – Mode of access: <https://www.jstor.org/preview-page/10.2307/44838582?seq=1> (Date of access – 30.05.2020).

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects. Overview. – 2019. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/41330/pesco-projects-12-nov-2019-rev.pdf> (Date of access – 30.05.2020).

Nikitin A.I.¹ ©, 2020

Trends of military-political development in Europe and of military-technical cooperation between the EU member states

Abstract. *The article analyzes in the time frame of the coming decade (2020–2030) the main trends in the development of the military and political situation in Europe. New nuclear risks arising from the weakening of the WMD non-proliferation regime, the dismantling of the INF Treaty and the prospects for the deployment of new generations of medium- and short-range missiles in Europe are being considered. The EU's successes and failures over the past three decades in establishing a system of EU operations and missions in conflict regions have been systematized. The structure, types, purpose of the 47 projects of military-technical and military-political cooperation implemented by the European Union within the framework of the EU Permanent Structured Cooperation (PESCO) are analyzed. Groups of projects aimed at strengthening cooperation in the crisis response, at the development and production of weapons, at mastering information- and cyber-communications, logistics and medical cooperation, and at training activities are identified. The strengthening of Europe's geostrategic autonomy from the United States is noted, as well as the military-technical rather than military-operational emphasis within the PESCO programs, the absence of projects aimed directly at conducting collective offensive operations. Conclusions are drawn regarding the dangers of involving the CSTO indirect confrontation with NATO and the EU, the need to establish cooperation along the CSTO-EU line in confronting new common risks and challenges that are endangering both the east and west of Europe. There has been a transformation of many programs of military-technical and military-operational cooperation/integration of EU countries into the basis for new directions of the arms race in Europe.*

¹ **Nikitin Alexander Ivanovich** – Sc. D. in Political Sciences, Professor, Moscow State Institute of International Relations, National Research University Higher School of Economics, and Lomonosov Moscow State University; Principal Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations RAS (an@inno.mgimo.ru).

Keywords: *European Union, PESCO Program, NATO, crisis response, military-political development, military-political cooperation, arms control.*

References

Approaches of the EU and its member-states to the formation of the autonomous defense potential. Analytical report [*Podkhody ES i ego stran-chlenov k sozdaniyu avtonomnogo oboronnogo potentsiala. Analiticheskii doklad*]. (2017) / Ed. by N.K. Arbatova, A.M. Kokeev. – M.: IMEMO RAS. – Mode of access: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=3870 (Date of access – 30.05.2020).

Arzamanova T.V. (2019). Era of alienation in the Euro-Atlantic space [*Era otchuzhdeniya v yevro-atlanticheskoy prostranstve*] // *European security: Events, estimates, forecasts*. – Moscow: INION RAS. – N 52(68). – P. 2–9.

Balkaev N.N. (2019) Stages of development of military-political integration within CST/CSTO [*Etapy razvitiya voenno-politicheskoy integratsii v ramkakh DKB/ODKB*] // *Kontentus*. – N 2 (79). – P. 11–21.

Chernega V.N. (2019). EU and E. Macron's initiative regarding the «European Army» [*ES i initsiativa E. Makrona otnositel'no «Evropeiskoy armii»*] // *European Security: Events, Estimates, Forecasts*. – M.: INION RAS. – N 52(68). – P. 10–15.

Defense Ministers Council Conclusions, 17–18 May 2004. (2004). ESDP Presidency Report. – Brussels. – 64 p.

Gromyko A.A. (2019). Dilemmas of the European Defense Union [*Dilemmy Evropeiskogo oboronnogo soyuza*] // *Outlines of global transformations: Politics, Economics, Law*. – Vol. 12, N 2. – P. 6–28.

Heinikoski S. (2017). «Pool It or Lose It?» A contrastive analysis of discourses concerning EU military integration and demilitarization in the Baltic Sea // *Journal on Baltic Security*. – N 3(1). – P. 32–47.

Javaid F. (2017). Collective Security Treaty Organization (CSTO) and Central Asian region: Opportunities and challenges // *European academic research*. – Vol. IV (12). – P. 10614–10633.

Karlborg L. (2012). EU military operations: Structures, capabilities and shortfalls // *The European Union – A global actor?* / Ed. by S. Gareis, G. Hauser, F. Kernic. – Stuttgart: Barbara Budrich Publishers. – P. 88–108.

Koivula T. (2009). Towards an EU military ethos // *European foreign affairs review*. – N 14(2). – P. 171–190.

Lobanov R.O. (2019). Military dimension of the European integration in EU projects at the end of the XXth – beginning of the XXIst centuries [*Voennoe*

izmerenie evropeiskoi integratsii v proektakh ES v kontse XX – nachale XXI veka] // Educational resources and technologies. – N 4(29). – P. 89–100.

Mérand F., Angers K. (2013). Military integration in Europe // Beyond the regulatory polity? – Oxford: Oxford Univ. press. – P. 46–65.

Novikov A.V. (2016). Military and political potential of the CSTO as a counterbalance to NATO policy [*Voенно-politicheskii potentsial ODKB kak protivoves politike NATO*] // Austrian j. of humanities and social sciences. – Wien. – N 3–4. – P. 74–77.

Ondarza von N. (2010). Less than the sum of its parts: The CSDP capability gap and prospects of EU military integration // *Studia Diplomatica*. – London: RIIS. – N 63(3/4). – P. 81–104. – Mode of access: www.jstor.org/stable/44838582 (Date of access – 30.05.2020).

Parkhit'ko N.P. (2018). Military and Political Cooperation in CIS [*Voенно-politicheskoe sotrudnichestvo na prostranstve SNG*] // *Post-Soviet studies*. – N 1. – P. 9–19.

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects. Overview. (2019). – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/41330/pesco-projects-12-nov-2019-rev.pdf> (Date of access – 30.05.2020).

Rodovich Yu.V. (2019). Germany and plans to create a European army: History and modernity: [*FRG i plany sozdaniya evropeiskoi armii: istoriya i sovremenost'*] // *Belgorod State University scientific bulletin. History. Political Science*. – Vol. 46, N 2. – P. 271–278.

Shchekoldina T.I. (2019). CSTO as a tool for ensuring Russia's military and political interests in the CIS: problems of controllability [*ODKB kak instrument obespecheniya voенно-politicheskikh interesov Rossii na prostranstve SNG: problemy upravlyaemosti*] // *Post-Soviet studies*. – N 4. – S. 1165–1173.

Shcherbak I.N. (2019). The role of the UN, EU and OSCE in crisis regulation [*Rol' OON, ES i OBSE v krizisnom uregulirovanii*]. – Moscow: Institute of Europe, RAS. – 126 p. – (Institute of Europe reports; N 367). – Mode of access: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/367.pdf> (Date of access – 30.05.2020).

Zhurkin V.V., Nosov M.G. (2019). 20 years of the EU Military Dimension [*20-letie voennogo izmereniya ES*] // *Modern Europe*. – N 1. – P. 5–13.